

Владимир Кантор

Поможет ли нам Запад?

Мы пришли к тому, с чего начинали наши предки: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет»¹. Нет порядка, нет трудолюбия, нет прилежности. Производим мало, да и это малое производство сокращается. Зато есть воровство (сверху донизу), спекуляция, коррупция, полный произвол. С отчаяния кажется, что пришла пора посылать за варягами², – настолько беспомощны и нынешние правители, и оппозиция.

Мы отказались от старой идеологии, которая была для нас воплощением революционного пафоса. Отказались с благословения высшего начальства, кардиналов и пап этой идеологии. «Святые отцы» из политбюро настроили народ враждебно к марксизму – подобно тому как тысячу лет назад князь Владимир, вначале ревностный защитник язычества, вдруг «повелел опрокинуть идолы – одних изрубить, а других сжечь»³. Надо сказать, идеологи нынешней КПРФ тоже о марксизме мало вспоминают.

Почему это произошло? С чем мы остались и где новые святыни, каковы они?

При внимательном взглядывании в российские смуты и перестройки, начиная по крайней мере с раскола и петровских реформ, становится ясно, что каждый раз России в разных обличьях являлся один и тот же манящий образ. Происходила

¹ Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. – М., 1978. – С. 37.

² «И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью. <...> Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». <...> И от тех варягов прозвалась Русская земля» (Там же. – С. 37).

³ Там же. – С. 131.

глобальная корректировка российского пути по европейской модели. Удачная или неудачная – это уже другой вопрос.

Сегодня, когда говорят о *выборе* буржуазного пути, о необходимости «строек капитализма», слышатся и возражения: а может ли национальная культура что-либо выбирать, не развивается ли она по особым, своим собственным законам? Возражение резонное. Но разве не говорили и семьдесят лет назад, кивая на западную идеологию – марксизм, о необходимости «строить социализм»? Ведь путь у России в самом деле особый, в него входит и постоянная ориентация на Запад. Это своего рода саморегуляция культуры. Почему она возникла? Тут нужен некий экскурс в прошлое.

Уже первое решение на заре нашей истории – принять христианство – определило европейскую основу развития России. Показательна молитва князя Владимира после крещения народа в Днепре: «Взгляни на новых людей этих и дай им, Господи, познать тебя, истинного Бога, как познали тебя христианские страны»⁴. Россия вошла в число христианских стран, то есть стран европейских. Замечу (на это обстоятельство мало обращается внимания, а оно весьма существенно): крещение произошло *до разделения церквей*, до Схизмы. Тем самым близость к византийской церкви не означала вражду к католической Европе. Поэтому смело могли русские князья родниться с королевскими дворами всей Европы, не испытывая никаких моральных неудобств и никакой конфессиональной ксенофобии. Более того, российское православие играло по сути экуменическую роль, стоя на пути «из варяг в греки».

Христианство было сознательным выбором тогдашней власти. И, несмотря на некоторую смуту в умах, простолюдины пошли за князем и его дружиной, «ликуя и говоря: „Если б не было это хорошим, не приняли бы этого князь наш и бояре»⁵. А ведь была возможность и мусульманской ориентации, не говоря уж о степном паганизме.

Существует национальное предание, писал С. М. Соловьев, «это предание о выборе веры. Оно говорит, что Владимир должен был выбирать из разных вер: язычество показало свою несостоятельность, нужно было переменить его на другую веру – и вот Владимир избирает из многих вер христианскую. <...> Выбор из многих вер есть особенность русской истории:

⁴ Там же. – С. 133.

⁵ Там же.

другим, западным народам, нельзя было выбирать из многих вер, им можно было только переменить язычество на христианство. Но русское общество находилось на границах Европы и Азии; здесь, на этих границах, сталкивались не только разные народы, но и разные религии; следовательно, обществу в таких обстоятельствах должно было выбрать из разных религий»⁶.

Когда недавние наши «князья и бояре» начала 90-х годов объявили, что они «выбирают капитализм», народ, кряхтя и охая, пошел за ними, потому что, несмотря на трудности, ему как идеал светила западная жизнь. Жизнь богатая, обильная, удобная и красивая. Надо сказать, что обращение к Византии поперек других стран тоже было связано с этим: Византия была богаче, пышнее, и ее богослужения своей роскошью произвели глубочайшее впечатление на русских послов. Не говорю уж о наиболее важных для тогдашней Руси торговых связях...

К сожалению, история оказалась мачехой для Руси. Одно из самых могучих и процветающих государств средневековой Европы вдруг было сокрушено нашествием Степи. Нечто подобное пережили и другие страны восточной Европы, попавшие под турецкое нашествие, способствовавшее закреплению конфессиональных различий запада и востока Европы. Татаро-монгольское завоевание стало самой грандиозной катастрофой в нашей исторической судьбе. Мы говорим об ущербе от второй мировой войны, подсчитываем, сколько жертв принес нам режим семидесятилетнего правления большевиков (жертв не только физических, но и духовных – морального растряпанства, формирования в людях шкурничества, приспособленчества, угодливости, несамостоятельности). Каково же было влияние на народ почти трехсотлетнего татаро-монгольского ига!

Произошел своеобразный симбиоз завоевателей и завоеванных. Многие наши привычки, взгляды, типы поведения идут оттуда. Хотя бы взгляд на Западную Европу (от которой Степь резко отделила Русь) только как на объект грабежа, откровенного или завуалированного, как на мир не родственный, а чуждый. А степной произвол, сидящий не только в каждом нашем правителе, отметающем чуждые ему юридические европейские нормы и стремящемся все сделать силою

⁶ Соловьев С.М., *Взгляд на историю России до Петра Великого* // Соловьев С.М., Соч.: В 18 книгах. – Кн. XI. – М., 1995. – С. 22–23.

своей прихоти и волевого решения, но и в каждом из нас?!.. Привычка к покорству: любая власть от Бога. Интересно, что православная церковь была освобождена монголами от дани, ей были даны экономические привилегии, за что с амвонов провозглашались здравицы («Чингиз царь и первые цари, отцы наши, жаловали церковных людей, кои за них молилися...»⁷ – говорилось, например, в ярлыке 1357 года). По рассуждению М. Н. Покровского, «татары прекрасно понимали ту элементарную истину, что оружием можно завоевать страну, но держаться в ней при помощи одного оружия нельзя. Что церковь предоставляла в их распоряжение свое влияние на верующих, этого нельзя было не оценить, и естественно было наградить за это церковь привилегиями»⁸. А совсем еще недавно церковь поддерживала КПСС и КГБ. Одна традиция. Впрочем, роль православной церкви всегда была двойственной: признавая только себя истинно христианской верой, проклиная «латинян» как еретиков, превратившись после падения Византии едва ли не в «племенную религию» (Чаадаев), православие в таком вот превращенном уродливом виде все же сохранило русский народ в качестве народа христианско-европейского, а не магометанского и не языческого.

Если раньше главным врагом Руси была Степь, то теперь под влиянием Степи таким сущностным, экзистенциальным врагом стал еще и Запад. С татарами боролись, они были реальным врагом. С их помощью крепла Москва, обратившая потом свою полученную под ханской сенью силу против самой Золотой Орды. Но в Западе видели врага едва ли не мистического, злокозненного, который пытается проникнуть и навредить не материально только, но и духовно, исказить святая святых Руси. Поэтому практически до XVII в. «еллинские и латинские борзости» были под особым запретом. Более того: европейское, «немецкое» трудолюбие и прилежание были высмеиваемы и презираемы за их мелочность, «бездуховность». Степь отучила наших предков трудиться на самих себя еще и тем, что вся земля по «монгольскому праву на землю» принадлежала хану (затем это же право было усвоено московским князем и распространено на всю Московскую Русь). Татарское иго было сломлено, внешний враг отброшен от границ государства. Москва перестала платить дань. Но

⁷ Цит. по: Покровский М.Н., *Русская история с древнейших времен.* – М., 1933. – С. 129.

⁸ Там же.

осталась привычка к поборам – давать дань, взимать дань – с покоренных ли народов, со своих ли собственных жителей, которые тоже рассматривались как объект грабежа, как пленники и рабы собственного государства.

Сегодня все еще разыгрывается евразийская концепция (вариант новой эрзац-идеологии железного занавеса), утверждающая, что Степь спасла нас от Европы, помешав западной экспансии в Россию (Л.Н. Гумилев). Но дело-то в том, что Киевская Русь сама была Европой и, не раз на равных сталкиваясь с западноевропейским рыцарством, как раз не сумела противостоять Степи и после героического, но недолгого сопротивления, татарского погрома наиболее укрепленных городов нашла своих квислингов, сумевших приспособиться к нравам завоевателей. Александр Невский разгромил шведов и немцев, но ездил на поклон в Золотую Орду. Заметим, что его локальные битвы на реке Неве и на Чудском озере происходили в то время, когда пал Киев, когда вся Русь пылала и корчилась под ударами войск Батыея. И татары боялись ударов уже именно со стороны Запада. Но интересно, что восприятие Невского как защитника именно Руси (а не татар) от Запада – результат идеологической переработки последних столетий. В народном сознании князь *стал святым за борьбу с татарским нашествием* (если судить по русским народным духовным стихам):

И вышел на врагов
Славный новгородский князь,
Новгородский князь Александр Невский.
Он разбил и прогнал
Нечестивых татар.
Возвратившись со войны,
Во иноки пошел⁹.

Ситуация символическая. И все же поклоны русских князей были вынужденными и неискренними. Как столь же неискренней была ненависть советских людей к европейскому стилю жизни. Семьдесят лет нас приучали не любить Запад, ибо он – потенциально-актуальный враг. И вдруг народ в свободном голосовании ринулся за жуликами-демократами, пообещавшими народу «открыть Запад». Это был не просто факт вестернизации, как, скажем, в Японии, это была очередная попытка – не всеми осознанная – с помощью Запада

⁹ Голубиная книга. – М., 1991. – С. 292-293.

вернуться в Европу. Но хочет ли сам Запад нам открыться? Ведь свое место в Европе не получают в подарок, «за так», его добиваются, его отстаивают непрестанными усилиями.

Петровские реформы, возвращавшие стране на новом этапе прежний статус европейской державы, были вызваны внутренней потребностью возвращения своего утерянного Я. Несмотря на столетия татаро-московской изоляционистской политики, Россия продолжала ощущать себя европейской страной. Новой идеологии Петр не заимствовал, но православие (которое, «оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру»¹⁰) заставил без околичностей, просто и прямо служить государству – чтоб не мешалось, не путалось под ногами в процессе европеизации страны, не было препятствием в восстановлении полноценных контактов с далеко ушедшей вперед Западной Европой.

Возвратный шаг к Европе был сделан решительно. Послепетровская Россия европеизировалась все глубже и интенсивнее. Однако возникшее под сенью ханской власти самодержавие, бывшее в какой-то момент, по словам Пушкина, «единственным европейцем в России», не в состоянии оказалось преодолеть само себя, европеизироваться до того, чтоб дать европейскую свободу своим подданным. В результате образованные слои (от дворянства до разночинцев) восприняли как свою национально-общественную миссию необходимость внести идею свободы в сам принцип жизнедеятельности России. Народ, разумеется, хотел освобождения от крепостной зависимости, но не очень понимал идеи демократии и более всего мечтал о *своей земле* – и сытной жизни. Освобождение народа подрывало реальную экономическую основу свободы образованного слоя. Ибо свободный досуг русской культуры создавался на базе крепостничества. Установление же европейских норм порядка и воспитания, уважения к науке и культуре, понимания важности духовного производства для благосостояния страны не сразу могло войти в сознание народных масс, ибо требовало исторического времени. В результате пришедшая с Запада идея марксизма, которая вроде бы примиряла народное желание сытой жизни («не хуже немцев») и духовное стремление к свободе у

¹⁰ Пушкин А.С., *Собр. соч.*: В 10 т. – Т. 10. – М., 1962. – С. 309.

интеллигенции, привела к потрясшей все основы национального бытия революции, сызнова отторгшей Россию от Европы.

Интеллигенции казалось в те годы, что социалистическая идея поможет достичь реального единства с Европой, не перестраивая национального менталитета, ибо опирается на столь понятную русскому духу идею коллективизма. Забывалось, что на Западе идея коллективизма разрабатывалась, по мысли Кавелина, как антитеза слишком развитому индивидуализму. А потому и коллективизм там был иной – на базе личностной культуры. Усвоить же революционным рывком основной принцип западного жизнеустройства – свободу и независимость личного бытия – невозможно. Ибо это результат длительного развития определенного этапа антропогенеза – личностной цивилизации, укореняющейся медленно и с трудом. Возможна была лишь гигантская мистификация нового единства России и Запада.

Большевики удачно сумели эксплуатировать стремление народа к европейской жизни, поддержав самообман культуры, что достигнуть этого возможно без личного усилия, порывом массы. Поэтому, сформулировав принципиально *антизападный тип жизнеустройства – вождь, партия, массы*, они поначалу стали сочинять символику, указующую на всеевропейский и даже интернационалистский контекст, но одновременно и на российское превосходство над мешчанской Европой, а вскоре суть переворота проявилась и в смене ориентиров, в повороте – еще при Ленине – к идее националистического изоляционизма (насильное присоединение – *во имя коммунистической идеи* – Закавказья, Средней Азии, Украины, а далее уж покорение и выселение народов, не принадлежащих, как говорят сейчас выученики тех лет, к «титупной нации»). Иными словами, фашистская ксенофобия была не просто в дальнейшем заимствована у Гитлера, она имела собственные корни. Причем именно в этом пункте большевики оказались историческими первопроходцами. По словам Г. П. Федотова, «не одна Россия, а весь мир может благодарить Ильича за создание фашистской системы государства»¹¹. В Сталине наиболее отчетливо, как полагал мыслитель, отразились евразийские черты ленинского фашизма. Характерно, что другой

¹¹ Федотов Г.П., *Октябрьская легенда* // Федотов Г.П., *Защита России*. – Paris, 1988. – С. 151.

русский философ-эмигрант Ф. А. Степун уже в начале 20-х годов назвал евразийство русским фашизмом.

Евразийцы в 20-е годы нынешнего века видели в империи большевиков возврат к империи Золотой Орды, возрождение ее. Сталин, кстати, апеллировал к наследию Московской Руси, к Ивану Грозному, то есть к Руси, ставшей правопреемницей Золотой Орды. Никакой правовой выучки европейского гражданского общества (за исключением явной имитации, чтобы показать, что у нас демократия лучше и выше, чем на Западе) народу дано не было. Более того, эта непросветленная законом стихия устраивала большевистских вождей. Стихия народной жизни была не в меньшей степени, чем самодержавие, заражена идеей «воли-произвола», а потому с железной необходимостью породила сталинизм – силу, способную произволом управлять, которая в этом произволе находила свое оправдание. Железный занавес, повешенный большевиками между Россией и Европой, был выражением все того же степного отторжения Руси от Запада.

Г. П. Федотов назвал сталинский режим ликвидацией марксизма. Марксизм, неожиданно победивший в стране, как считал Маркс, ему наиболее неподходящей, вернулся на Запад русским учением, русской идеологией. Он был вполне русифицирован еще Лениным, а при Сталине уже сумели, по словам Федотова, сделать «из Маркса оруженосца Александра Невского»¹², и дело было лишь за тем, «чтобы из триады национальных героев окончательно исключить Маркса и потеснить Пугачева в пользу Грозного»¹³.

То, что не удалось Сталину, проделала партийная элита последнего призыва. Самоубийственная политика идеологов горбачевского политбюро в известном смысле была прямым продолжением политики Сталина по русификации идеологии. Отказ от марксизма совпал с новым витком обращения к Западу, который тоже не принимал марксизм, хотя и по другой причине – видя в нем «русскую идею». Социальные и экономические причины якобы прозападной ориентации горбачевского правительства хорошо известны. За новую технологию надо было платить. Решили заплатить тем, что им самим мешало: остатками марксизма, который по самой своей сути был чужд партократическому паразитическому типу

¹² Федотов Г.П., *Александр Невский и Карл Маркс* // Там же. – С. 93.

¹³ Федотов Г.П., *Как Сталин видит историю России* // Там же. – С. 142.

жизни. То есть хотели в очередной раз обмануть Запад. Вы нам технологию, а мы за это выкидываем на свалку давно опостылевший марксизм. Торг состоялся.

Но вместе с западной технологией открылся и западный образ жизни. И впервые наконец не только высшие слои, но *вся Россия* захотела жить так же. Причем, если образованные слои (демократическое движение и масса интеллигенции) сызнова возмечтали о свободе, демократии, правовом обществе, опираясь на высоколобую культуру Запада, то массовая западная культура сумела подействовать *на сознание большинства населения*, возжелавшее жить по законам общества потребления, чтоб *всё было*.

К развалу же империи, надо заметить, привели скорее не европеистские, а националистические идеи. Европеизм требовал лишь экономической и личной свободы. Отдать Западу соц-страны – жест демократический или националистический? А прекращение войны в Афганистане? Ведь кричали же националисты, что все это обходится нам слишком дорого. Валентин Распутин, как помнится, грозил республикам, что Россия тоже может потребовать независимости от общесоюзного руководства, *перестанет помогать другим*, а займется утверждением своей национальной идеи. Так и произошло. Россия потребовала суверенитета и отделилась от себя самой, развалила свою собственную державу, собиравшуюся столетиями. Еще К. Леонтьев, впрочем, назвал национализм орудием всемирного разрушения, имея в виду кризис империй.

Партийных функционеров, которые стали посещать церкви, под телеглазом, со свечкой в руке, демонстрируя свою «национально-православную духовность», в народе прозвали *подсвечниками*. Здесь очевидна попытка срочно реанимировать православие, чтобы иметь идеологию, с помощью которой можно управлять народом в изменившихся условиях. Но православие не способно ни удержать империю от развала, ни сохранить единство России, половина населения которой – иноверцы. Больше, чем евразийство, но меньше, чем марксизм, православие способно санкционировать и контакты с Западом. Тем менее на то способно авторитарно-самодержавное правление, о котором вздыхают самые разные политические группы. Не случайно обе революции 1917 года с их отчаянной попыткой прорыва в западную жизнь были вызваны как раз стагнационными тенденциями русского самодержавия, настроенного националистически и антилично, с посто-

янной попыткой купировать всяческую самодеятельность. А европейской самодеятельности хотели. Поэтому в Феврале мы – «самое свободное государство» в Европе, в Октябре – самое пролетарское и марксистское, а в этом смысле, как казалось, и более последовательное в осуществлении европейской мечты о коммунизме, чем сама Европа. К несчастью, эти ориентации на идеологическую перестройку национальной ментальности оказались плохо работающими. Идеология всегда умела мимикрировать, прикрывая реальные интересы тоталитарного режима.

Сегодня ситуация совершенно иная. Мы по привычке советской пропаганды называем изобилие товаров в магазинах выражением «буржуазной идеологии потребления». Между тем, это впервые представившаяся для большинства возможность свободного выбора, без необходимости унижаться за единственную пайку хлеба, единственную пару башмаков, которые тебе могут выдать, а могут и не выдать. Дело в том, что реализация свободы в быту (свободный выбор) для масс означает первый шаг к духовной свободе. Обратная ситуация, ситуация тотального распределения, как показал Дж. Оруэлл, приводит только к уничтожению личности. Сегодняшний правительственный заказ на новую идеологию есть весьма тревожный симптом. Идеология свободного человека, реализующего свои способности во всех сферах бытия, уже давно дана европейским принципом развития. Разумеется, откаты от этого принципа продолжаются и в нынешней Европе, не говоря уж о вчерашней (фашизм). Но сам принцип «самостоянья» человека и народа остается тем не менее фундаментом христианско-европейских ценностей. И в этом контексте нормально желание независимой жизни – без унижения голода и нищеты.

Нормальная жизнь, без тотального перевеса над другими, а с *достоинством равного*, – вот основа возможного европейского бытия России. Это предполагает и иную структурировку страны, прежде всего опору на собственные силы и отказ от упований на *чужую* помощь, которая-де решит *наши* проблемы.

Недавно некий оппонент упрекал автора в мещанстве, что автор, дескать, хочет для России сытой и довольной жизни, а это, мол, исключает духовность. А я и вправду этого хочу. Хочу для всей России и для своей семьи, ибо нормальная жизнь без голода, нищеты, рабства, в известном довольстве нисколько не

мешала духовности (начиная со свободных граждан античных полисов и вплоть до культуры русского дворянства). Или нищенствовал Радищев, декабристы, Пушкин, Герцен, Толстой и т. д.? Напротив, нищета низвела в ничто русских самородков, от которых остались только слабые намеки на их возможности (вроде изобретателя паровой машины Ползунова¹⁴). Свободный досуг, необходимый для духовного производства, предполагает, разумеется, не роскошь, но известный материальный достаток. Жить без нужды – простительный грех, ибо антитеза жизни – это война и смерть. С детства я люблю стихи великого шотландца Роберта Бернса – «Строчки о войне и любви»:

Прикрытый лаврами разбой
И сухопутный и морской
Не стоит славословья,
Готов я кровь отдать свою
В том жизнетворческом бою,
Что мы зовем любовью.
Я славлю мира торжество,
Довольство и достаток.
Создать приятней одного,
Чем истребить десяток!

Могут сказать: это быт, грубые материальные интересы, а где же духовность? Не отказывается ли от нее автор?.. Ни в коем случае. Но высокая русская культура давным-давно связана с европейской. Не стали ли Шекспир и Бальзак, Бетховен и Гуно, Данте и Гете, Платон и Кант (перечисление может быть бесконечным) соучастниками духовных размышлений в России по крайней мере в последние два века?! Напомню рассуждение Достоевского («Зимние заметки о летних впечатлениях»): «Ведь всё, решительно почти всё, что есть в нас развития, науки, искусства, гражданственности, человечности, всё, всё ведь это оттуда, из той же страны святых чудес! Ведь вся наша жизнь по европейским складам еще с самого первого детства сложилась. Неужели же кто-нибудь из нас мог устоять против этого влияния, призыва, давления? Как еще не переродились мы окончательно в европейцев? Что мы не переродились – с этим, я думаю, все согласятся, одни с радостью, другие, разумеется, со злобою за то, что мы *не доросли* до перерождения»¹⁵. Думается, Достоевский тут не очень-то

¹⁴ См. об этом: Киселева М.С., *Две судьбы одного изобретения (роль культурного контекста)* // «Вопросы философии». – 1993. – № 9.

прав. Конечно, мы отвечали на *свои* вопросы, но отвечали уже по-европейски. Не случайно сам Достоевский (как и Пушкин, и Чехов, и Чайковский, и Врубель, и др.) стал фактом именно европейского самопознания и самосознания. Ибо творчество великого русского искусства выросло на основе христианства. Не забудем же того, что мы, как и западные европейцы, – христиане. И того, что основная парадигма европейского развития – духовное единство разнообразия. И русские мыслители и художники – важная составляющая европейской духовности. Как раз на уровне высокой культуры контакт России с Западом состоялся, и он прочен.

Но поможет ли нам Запад приобщиться к его порядку? И как он может помочь? Это, быть может, важнейшая сейчас для нас проблема. Легко сказать, что мы принимаем модель потребительского общества. Как это сделать, однако? Ведь идеология потребления предполагает упорный, каждодневный прилежный труд. Способны ли мы от паразитического степного восприятия Запада как объекта грабежа и дани (даваемой либо под угрозой, либо по нищенскому молению, тоже сопряженному с угрозой: попробуй не дать – мы развалимся и весь мир взорвем!) перейти к нормальному, равноправному контакту с ним? Для такого контакта необходимо проращивать в себе заглушенную веками рабства европейскую ментальность. Можно и так поставить вопрос: способны ли мы принять западную помощь? Ведь принять – это тоже надо уметь.

Мы мечтаем с помощью Запада сразу, вдруг зажить так же, как живут самые развитые страны. Надеемся, что нам построят «материально-техническую базу капитализма». А уж она потом сама заработает. Как показывает история, такого не бывает. Любая европейская страна, входя в систему европейского типа жизни, должна была это делать сама, исполнившись смирения, терпения и выдержки, предощущения долголетнего упорного труда.

Так поможет ли нам Запад? Надеяться, что благодаря западным посылкам или даже инвестициям мы вдруг станем жить так, как живут там, нелепо. Рывком, сразу и вдруг ничего не получится. Можно принимать Запад за некий принцип (понимая его собственную еще недостаточную вестернизированность, т. е. неслучайность появления европейского фашизма в этом столетии – по сути совсем недавно), но не за ближайшую дос-

¹⁵ Достоевский Ф.М., *Собр. соч.*: В 30 т. – Т. 5. – Л., 1973. – С. 51.

тижимую цель. И помнить, что у нас была своя история и исходить мы должны из своих возможностей. Только так Россия вернется в Европу и закрепится там, осуществив свое многовековое стремление.